

Исповедник

Последний из скита

Российская Православная Церковь 2013

Последний из скита

Исповедник

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ СКИТА

Отца Симеона притащили за несколько минут до рассвета. Кулем бросили на каменный пол. И слегка потоптавшись, без излишнего шума, ушли. После надзирателей в камере остался сладковатый махорочный запах и стойкое спиртовое амбре. На нарах люди не спали. Однако к отцу Симеону никто подойти не спешил.

Длинное и сухое тело монаха походило на ровную и широкую плоскость – без впадин и обычных человеческих выступов. Воскового цвета лицо могло принадлежать и покойнику. И всё же отец Симеон ещё жил. И даже ровно дышал. Сознание черноризца покинуло, но грудь его мерно вздымалась. Со стороны казалось, что человек просто взял и заснул на полу. В лаптях, стареньком многошвейном подряснике, с густой и седой бородою до пояса, среди прочих сокамерных узников, отец Симеон выделялся. И ещё как выделялся.

И не только по внешнему виду.

Выделялся молитвенной молчаливостью, отрешённостью от внешнего мира. Выделялся кое-чем и другим. Ничего казённого он не ел и не пил. И уже третью седмицу питался одним ржаным сухарём, да горстью снега с козырька оконной отдушины. Впрочем, на него здесь не особо обращали внимание. Узники занимались своими делами. Все бывшие красные командиры – два комкора с комдивом, комбриг и три полковых комиссара. Эти люди меж собой возмущались. Надеялись. Спорили. Правда, до поры и до времени. Когда их стали вызывать на допросы и затаскивать, как сейчас затащили отца Симеона, обособились и временно приутихли.

Симеон пришёл в себя, но глаза открывать не спешил. На душе его было спокойно. В сердце сладко пела молитва. И слава Богу, у него ничего не болело. Сегодня первый раз его били. На двух предыдущих допросах только спрашивали и очень громко кричали. Особенно бесновались, когда он крестил перед собою пространство, выгоняя нечисть крестным знамением и святыми словами: «Да воскреснет Бог, и расточатся врази его». А после замолкал, не отвечая ни на какие вопросы. Уходил в себя, творя Иисусову молитву. Как и всегда. Сколько помнил себя.

Да, он не знал, что знали сокамерники. Ни политики. Ни текущих моментов. Многого он в этой жизни не знал.

Распознавать только духов и научился.

1

Когда в семье третьегильдейного верхотурского купца Авдея Лукича Карачарова родился последыш – семнадцатый сын, он долго не думал, а по тайному и обоюдному согласию со своей благоверной супругой Гликерией Никитичной, обещался отдать и посвятить его Богу. На том крепко и с великой любовью они порешили.

Крестили новорождённое дитя в первенствующей монастырской Николаевской церкви¹²². И

назвали его Симеоном - в честь праведного Симеона Верхотурского чудотворца, молитвенника и заступника Уральского.

Верхотурье - городок, хотя и уездный, но не очень большой. По укладу житейскому, отчасти - мещанский и отчасти - купеческий. Таких городков в Российской Империи множество. И всё же, не затерялся он на бескрайних сибирских и уральских просторах. Да и в центральных губерниях о Верхотурье люди многое слышали, удивляясь православному его благочестию со всё возрастающим благолепием. Знаменит он был крепкой верой, а так пуще всего, Свято-Николаевским монастырём. Где и покоились мощи святого и праведного Симеона.

Урал и Сибирь русскими людьми наполнялись веками. Из разных мест туда тянулись славянские ниточки. Ещё до Строгановых и Демидовых. До Ермака Тимофеича. И даже, до нашествия монголо-татарского хана Батыя.

Крутояровы и Морозовы, Белкины и Распоповы, Протопоповы и Пичугины, Милославские, Городецкие, Карачаровы...

Пращуры купцов Карачаровых вышли за Уральский каменный пояс из-под древнего города Мурома. Испокон веку жили они в страхе Божьем, по совести и своими трудами. Занимались поначалу хлебопашеством, сплавом и древесничеством, бортничеством, охотничьим и рыбным промыслом, а в последних два века Господь сподобил заняться купечеством. С помощью Божьей, достигли в том не малых высот. Сам Авдей Лукич Карачаров, считаясь купцом третьей гильдии, золотишком со рухлядью, мог поспорить, кто писался в казённых бумагах славнее и выше. Однако за чинами и славою он не гнался. Потому и не спорил. Живя по старинке. Отгородившись от мира молитвой и семейно-супружеской крепостью.

До двенадцати лет Симеон Карачаров воспитывался в отеческом доме. Жил под строгим родительским (и не только) присмотром. Рядом с лампадками и иконными ликами. Впитывая, вместе с ароматами ладана и свечного, плакучего воска, святое Евангелие и святое Предание, свято-житийскую премудрость спасения. Полюбил он монастырские храмы и общую к Богу молитву. Сделал первые шаги восхождения в молитве келейной и даже Иисусовой. Удивил Симеон старца Игнатия, не по возрасту, любознательным и тишайшим смирением.

Мирского чтения и письма он не ведал. Зато без ошибок читал по церковно-славянскому. Наизусть знал Псалтирь, от Матфея Евангелие, утренние и вечерние молитвенные правила. Мог часами вещать о святых, просиявших, как в Святом Православном Отечестве, так и в рассеянии на всей грешной земле. Когда пришла пора исполнить Богу обещанное (и по прощании с матушкой), Авдей Лукич Карачаров отвёл его в монастырь. Где иеромонах - старец Игнатий и принял благочестивого отрока на иноческое послушание. К тому времени старец получил архиерейское благословение на устройство скитского домика, а если Бог даст, то и небольшого подворья.

Так что Симеон Карачаров как раз к нему подоспел.

Вместе со старцем Игнатием и отроком Симеоном на дальнюю заимку отбывали иеродиакон Савватий и мантийный монах Поликарп. Дорога предстояла не такая и близкая. По Туре¹²³ и ручьям предстояло проехать вёрст двести, не менее. Потому и готовились тщательно, отбирая для пустынной и молитвенной жизни всё самое нужное и необходимое. Вся зима и первая седмица морозного марта ушли на подготовку к поездке. Для скорейшего освоения заимки Авдей Лукич Карачаров, Христа ради, расщедрился, на свои кровные денежки нанял многих извозчиков, артель вальщиков и ватажку опытных плотников. На благое и богоугодное дело не поскупились и другие купцы Верхотурья, собрали съестные припасы, фураж и житейскую

утварь.

После молебна и игуменского благословения, из города выезжали тяжёлым и длинным обозом. Симеон насчитал сорок восемь гружёных саней. Впереди шли битюги¹²⁴. Они тащили широкую треугольную раму, подбитую снизу железом. Рама хорошо расчищала дорогу, отваливая на обе стороны пласты лежалого весеннего снега. Старец Игнатий от себя Симеона не отпускал. И отроку было всё интересно. Впервые он выбрался с города.

С батюшкой ехали в середине обоза, плотно укутавшись в шали и овечьи тулупы. Старец всю дорогу молился. Симеон же поначалу глазел на диковинные леса и пригорки, а после или дремал, или тоже, глядя на старца, молился. Останавливались редко. Только по дорожной и прочей нужде. Да ещё покормить и попоить лошадей. Сами же питались на ходу сухарями и распаренной в городе репой. На четвертые сутки доехали.

Будущая пустынька находилась у большого безымянного озера, совсем рядом с предгорьем. Собственно, горы здесь уже начинались. Казалось, что только попробуй и легко дотянешься до пологих склонов рукой. Из озера вытекал довольно широкий ручей. Ближе к обеду по нему и доехали. Горы, леса и широкие лесные проплешины - первое, что увидел Симеон по прибытию. Место заимки ему очень понравилось. Отсюда до ближайшей заводской деревеньки почти семьдесят вёрст. Он слышал, как меж собой о том говорили извозчики.

Разгрузкой и обустройством рабочего лагеря занимались до позднего вечера. На ночь, монахи и работные люди, у предгорий этих остались. А остальные славяне утра дожидаться не стали. Плотно поужинали. Испросили благословение у старца Игнатия. И оставив четверых битюгов, по свежему следу, уехали.

Ночевали в тёплых самоедовских¹²⁵ чумах. Их поставили на крутом берегу безымянного озера. Всего получилось шесть чумов. Один большой чум стал временным складом. А другой, точно такой же размерами, конюшной для четверых лошадей. В двух, немного поменьше, расположились артели вальщиков и строителей. И два самых маленьких чума поставили для монахов. Иеродиакон Савватий и мантийный монах Поликарп ночевали в одном. А старец Игнатий с послушником Симеоном - в чуме другом.

Молились все у старца Игнатия.

На утреннюю молитву поднялись в четыре часа по полуночи.

Потом завтрак. Кормление и поение застоявшихся битюгов. И до обеда - валка, и таскание леса. Артель вальщиков пилила и рубила стволы. Плотники прямо на месте их кряжевали. А затем подтаскивали битюгами поближе к берегу озера. Часть плотницкой ватажки расчищала от снега поляну и ставила там эстакаду для пиления досок. После нескольких ходок, от леса и до озера, накаталась ровная и прямая дорога. Монахи тоже не сидели без дела. Поликарп у костра кашеварил. А Савватий со старцем Игнатием шкурили брёвна острыми, как бритва лопатами. Симеон же помогал Поликарпу. Вёдрами носил из озёрной лунки холодную воду. Рубил сушняк и подтаскивал к костревищу сырую кору. Отобедав, до позднего вечера, занимались всё тем же.

За три седмицы леса напилили достаточно.

В конце марта на улице значительно потеплело. Солнце воздух прогрело. Снег начал таять. Пока реки с ручьями не вскрылись, вальщики заторопились домой. Покончив с работой, на двух санях они вскоре уехали. Правда, не все. Два родных брата - Спиридон и Евтихий

остались. Сироты. Семейством обзавестись ещё не успели. Решили, Христа ради, остаться и помочь монашеской братии. Их руки лишними, конечно же, не были. Так что старец Игнатий обоих братьев благословил. Вначале они работали вместе со всеми на стройке. А по сходу снега и готовности почвы, распахивали в низине целину. Разрабатывали поднятую землю. И сеяли. Трудился с ними и иеродиакон Савватий. Он отвечал перед старцем за будущий урожай ячменя и овса.

Симеону тоже работы хватало. И на кухне. И после, со старцем Игнатием. Со старцем они вначале собирали прибрежные камни и стаскивали их в одну общую кучу. Эти камни годились для будущих печек. Затем занялись огородом.

Уставал он так, что часто засыпал на молитве.

Старец Игнатий большую часть времени уделял возведению храма. С него и начали скитское строительство. Начальник плотников Тимофей (не то по фамилии, не то по прозвищу – Шило), ухватистый и пожилой мужичонка, сам родом из Олонецкой губернии, предложил ему построить многокупольный храм, обещая до Троицы справиться.

Старец подумал и согласился.

Храм возводили на восемнадцати сваях. По шесть листовенничных свай с каждой стороны. И по две на концах, и в серёдке. У Тимофея хлеб насущный зря работные люди не ели. Каждый плотник знал своё место. Работали с утра и до ночи, прерываясь лишь на обед и на ужин. Луковичные, большие и малые купола, а также стропила под крышу - готовили на земле. Сруб же рубили на уже обоснованных сваях, постепенно поднимаясь всё выше и выше. Сначала, в два наката, брёвна для тёплого пола. И дальше уже, как положено. С притворной и центральными перегородками. Со звонницей и алтарным детинцем. К Троице, как и было обещано Тимофеем, с Божьей помощью, справились. Великим постом и на Пасху Всенощные с Литургиями отслужили на улице.

Когда же на Троицу монах Поликарп поднялся с рассветом на новую звонницу и разбудил всю округу колокольным малиновым звоном, люди встали, вдруг, на колени и как младенцы заплакали. Души их потянулись ко Господу. И колокольный малиновый звон помогал. Симеон тоже плакал и со всей мочи, тянулся. Дотянулся ли, нет, он не ведает. Помнит только, что в порыве том ему тянуться хотелось, хотелось...

До первых морозов построили братский корпус с отдельной трапезной. Просфорню. Погребец и ледник. Коптильню. Паломнический домик. Гумно с овином. Конюшню с сеновалом и овсовыми закромами. Симеон всё лето и осень помогал старцу с монахами обустроить и благоуукрашивать храм, убирать и обмолачивать урожай, собирать орехи, ягоды и грибы, ловить и коптить рыбу, носить и месить глину для печек. Печки сложил сам старец Игнатий. Освятил он храм на Успение Пресвятой Богородицы в честь святого апостола Андрея Первозванного. С тех пор скит их стал называться Свято-Андреевским или просто Андреевским.

В начале ноября из города прибыл продуктовый обоз. В продуктах скит теперь не нуждался. В достатке собралось и уродилось своё. Десять десятин земли¹²⁶, с лесом, огородом и озером, могли прокормить и большую братию. Однако от милостыни монахи не отказались. Обоз разгрузили. И по утрам с ним уехали плотники. Спиридон и Евтихий остались в скиту. Не уехал в город и плотник Макарий. Он тоже благословился зиму с весной потрудиться. А там, как Бог даст. Может быть, сподобится и жития постнического, монашеского.

По душе пришлось ему их житие.

Лишние люди разъехались. И наступило время молитвенное, и уставное. Старец Игнатий придерживался древних православных традиций, послаблений и спуска, ни в молитвах, ни в трудах, никому не давал. Каждый день он служил Всенощную и Литургию. Строго постился. Мало говорил. И много делал. Симеон у старца всё время учился. И с годами, многое от него преуспел. Познал служебный устав. Научился петь и даже регентовать на клиросе. Мог умело прислуживать в алтаре. Главное же - полюбил келейно молиться и полюбил послушание. За усердие старец благословил его чётками, подрясником и скуфейкой. И к двадцати годам постриг в рясофор.

В первые лета многое чего случилось в скиту.

Дважды в их пустыньке побывал со святительскими визитами правящий архиерей. В первый свой приезд он возвысил старца Игнатия до игумена и вывел скит из монастырского подчинения, переподчинив его духовной консистории¹²⁷ и себе. Во второе посещение владыка рукоположил иеродиакона Савватия в иеромонаха, а мантийного монаха Поликарпа в иеродиакона. А также благословил старца Игнатия постричь послушников Симеона, Спиридона, Евтихия и Макария в рясофор или малую схиму. Постричь не сейчас и не завтра, а по духовной надобности и в любое удобное для отца-настоятеля время. Что позднее старцем было исполнено. Симеону он прежнее имя оставил, а Спиридона, Евтихия и Макария постриг с именами Зосимы, Леонтия и Антония. Это архиерейское благословение оказалось для старца последним. Лица высокого архиерейского звания скит больше не посещали. В Империи начались нестроения - частые войны и революции. И видимо, у архиереев находились дела весомее и важнее дальних поездок по обширной епархии.

Как бы там ни было, но скит продолжал жить строгой молитвенной и монашеской жизнью, и без архиерейского приглядного ока. Время быстро летело. И слава о его насельниках быстро разрасталась по градам и весям.

Ещё в самом начале кем-то из паломников было подмечено, что по молитвам скитских отшельников Господь избавляет супружных жён от бесплодия и даёт им лёгкое чадородие. По этой причине приток молитвенников увеличился. Пришлось строить ещё один паломнический домик. Впрочем, до февральского переворота в скиту всегда что-то строилось, перестраивалось или достраивалось. Рабочих рук и средств тогда на это хватало.

Семнадцатый год больно ударил и по монашеской братии.

Летом отошли ко Господу монахи Зосима с Леонтием. А в конце декабря приняли мученический венец иеродиакон Поликарп и монах Антоний. Игумен Игнатий послал их в губернский город с письмом к архиерею. До губернского города они не дошли. По дороге были порублены шашками осатаневшим красным отрядом.

В этот же год паломнический поток почти совсем прекратился. И что творится в миру монахи узнавали урывками и с большим опозданием. Об убийстве Царя и Семьи дошло до них лишь в январе 19-го. Старец горько плакал. А после, хотя и сильно болел, сорок дней кряду служил Панихиды. Отцу Савватию тоже всегда нездоровилось. Лишь один Симеон оставался бодрым духом и телесно здоровым. Как и прежде, он нёс безропотно многие послушания, живя в простоте с постом и постоянной молитвой. Симеон вырос и возмужал.

Стал настоящим русским монахом.

Как-то без чужого вмешательства скит минули и окаянные годы. Когда брат шёл на брата, а сын ратовал на родного отца. За всю гражданскую войну ни красные и ни белые отшельников

ни разу не потревожили. То ли о них позабыли, то ли Господь укрывал от ненужного глаза. В постоянных трудах и молитвах дожили до 25-го года. Симеон бы и этот год не запомнил, не скончался под Троицу отче Савватий. К тому времени старец Игнатий уже так одряхлел, что еле-еле и с большими трудами отпел. А после и сам окончательно слёг.

И всё ж таки, Бога русские люди не все позабыли. Пусть редко, но скит они навещали. Симеоновы братья зимой из города приезжали. Иерей Иоанн из ближайшей деревеньки Осинушки, что отстояла за семьдесят вёрст. Охотники, Егор и Панкратий, тоже помолиться иногда заходили. Приезжали и другие паломники.

В феврале 27-го навестил их и есаул Голубятников с урядником Николаевым. Оба изрядно пораненные. Грязные и обросшие. Приехали на двух отощавших верховых лошадях, с двумя заводными. Знаменитый белый отряд Голубятникова сражался до последнего человека, наводя страх на красных по всему Уральскому северу. Довоевались до 27-го, в общем-то, мирного года. Каким-то чудом в живых остались есаул да урядник.

Старец благословил.

И Симеону пришлось ещё и раненых людей обихаживать. В первое время; топить для них баньку, готовить еду и лекарство, стирать исподнее, перевязывать, ежедневно выгуливать, поить и кормить лошадей. После, они и сами уже нормально справлялись. Два года прожили пришлые казаки в скиту, до самой кончины старца Игнатия, случившейся прямо на Пасху. Их трудами ископали и обложили камнями могилку, привезли и отвезли батюшку Иоанна из деревеньки Осинушки. И слава Богу, старца чинно и как надо отпели.

От Симеона секретов они не держали. Он знал, что в первой седмице июня есаул и урядник собрались уходить за кордон. Через половину России, казахские степи и сыпучие пески Каракумов. Казаки, они на то и казаки. Сказано – сделано. С утра помолились. Очень быстро простились. Сели на своих лошадей. И уехали.

В скиту Симеон остался один.

Молился. И много работал. И снова молился. Дни утекали за днями. И в голове его постоянно звучало последнее наставление старца.

- От мамы советской ничего не бери.

Он тогда точно не знал, что слова эти значат. Просто помнил прощальное наставление старца. А узнал уже гораздо позднее.

Первый раз приехали за ним за сорок дней до трёхлетней кончины старца Игнатия. Снег ещё в округе лежал. По нему и отвезли в известное губернское ведомство. В узилище Симеон провёл чуть менее месяца. Спрашивали его о тех беглых казаках. О есауле с урядником. Он всё время молчал. В камере ничего не пил и не ел. Лишь только молился, да земно и поясно кланялся. Отпустили его, посчитав за душевно больного или блаженного.

В первый раз ему здорово повезло.

Во второй раз повезло уже значительно меньше, хотя, целых три года и дали пожить монашеской жизнью. Запасных Священных Даров старец оставил ему предостаточно. Ими и причащался. Исповедовался редко у отца Иоанна.

Во второй раз увезли Симеона в столицу. Закрыли в тюремную камеру. Дважды только

кричали и спрашивали. На третьем допросе избили. Но, слава Богу, за всё. На душе его было спокойно. В сердце пела молитва.

И у него ничего не болело.

2

Симеон открыл глаза. Легко оторвал голову и спину от жёсткого пола. Сел. Рука сама потянулась к тому месту, где недавно висели истёртые пальцами чётки – меч духовный, монашеский. Потянулась и замерла. Пояс и чётки у него отобрали при обыске. Оставили подрясник, скуфейку и ещё тёплую зимнюю свитку вместе с походным мешком. Свитка, мешок и скуфейка лежали на нарах, ожидая хозяина. Уголовников в камере не было, а значит и воровство пока исключалось. Правда, Симеон об этом не знал, отстоя далёко от реалий тюремного мира.

Снизу донеслось какое-то уж совсем непонятное и жуткое уханье – не то животный стон, не то предсмертный человеческий крик. Коридорный надзиратель за дверью звякнул ключами. Послышался нарастающий шум сапогов. С придыханьем и руганью мимо протащили очередного избитого узника. Ночное и предрасветное время самое «рабочее» для заплечных дел мастеров. Таков у них внутренний распорядок. Но и до этого знания Симеону не суждено дотянуться. Он сидел на полу. И изнутри весь светился от радости.

Пострадать, Христа ради, для монаха – великая милость Господня.

От решётки небольшого оконца потянуло утренней свежестью. Тяжёлый камерный воздух она немного разбавила. Но разбавила не везде. А лишь там, где молился и сидел отец Симеон. За его плечами всё так же спёрто пахло близкой парашей, давно стираным исподним бельём, потными носками с портянками и ещё пахло заразными человеческими страхами. Именно страхи, а не нечто другое и определяли узилищный стержень амбре.

В отличие от монаха, некогда, лихие красные командиры и комиссары, боялись. Боялись и ещё как боялись. Безысходность, вкупе с внезапностью личной трагедии, породила у них стойкую и довольно редкую фобию – неуправляемость страхами. А ведь раньше, на пресловутой советской свободе, со своей психикой все эти люди как-то справлялись, живя вполне преданно, по понятиям, поддерживая неугасимую апостасийную топку и глядя сквозь пальцы на жертвы местной и мировой революции. На властной вершине многое им виделось по-другому. И не только виделось, но и давалось. В том числе, безнаказанность или кастовая неприкасаемость.

Глядишь, так бы и дожили до старости хозяевами жизни и вершителями человеческих судеб, если бы не одно «но» или вот эта «случайность». Кто же знал, что джин вырвется из идейной марксистской бутылки и станет пожирать вокруг всё. Пожирать с удовольствием и демоническим аппетитом, не брезгуя ни справными красными командирами, ни, точно такими же, кровными и в доску своими жрецами. Некогда красные командиры и комиссары боялись. Боялись панически. И теперь понятно, почему. Хотя вида и не показывали.

Допросы с пытками здоровье их подломили. А волю, так и вовсе – сломали. До потери всего человеческого осталось им немного дойти. Меж собой они не дружили. Часто ругались и спорили. Каждый радел за себя, подозревая в чём-то худшем другого...

И всё же в этой камере имелось нечто такое, что их связывало и даже крепко роднило. Пусть оно и было лишь в одном экземпляре.

Общило их лютое зло к отцу Симеону.

Спроси: «откуда такая ненависть к безобидному черноризнику?» - никто бы из них не ответил.

Особенно их бесило телесное и духовное пощение инока - его молитвенное и блаженное состояние. А так же, очень сильно раздражало спокойствие и соприсутствие. С последним фактором ничего не поделаешь. Приходилось монаха терпеть. Коль закрыли в одном помещении, в другую камеру не попросишься. Это-то они хорошо понимали. И тем не менее, даже хорошо понимая, кипели злостью и прямо аспидной лютостью.

И ещё одна странность наблюдалась у бывших военных; если ненависть комкоров и комиссаров особых вопросов не вызывала, ибо она вытекала из вполне объяснимых и понятных источников (всё ж таки, как ни скрывай, а талмудический иудаизм, вскормивший и воспитавший этих местечковых людей из-под Жмеринки, к православию относился далеко не нейтрально), то с ненавистью двух остальных недавних воителей, выросших в православной и благородной (!) среде, не всё обстояло так ясно. По ней возникали вопросы.

И главный из них - куда подевалась их вера?

Бог весть, спрашивал ли кто ещё об утерянной вере. Я-то, согрешая, спросил. А вот отец Симеон, так уж точно, не грешил и не спрашивал. С пола он перебрался на нары. Где, укрывшись согревающей свиткой, горячо и смиренно молился, про себя читая Псалтирь. Дойдя до десятой кафизмы, сердце его нить потеряло. Однако, уйдя даже в сонную негу, не прекратило моления. Святые слова звучать продолжали и продолжали...

И время потекло для него незаметно.

37-й год торопил «правосудие». Особые команды едва справлялись с расстрелами. Стреляли сразу и стреляли везде. Но отца Симеона в Москве убивать, почему-то, не стали. Ещё с седмицу поспрашивали и телесно помучили. А после, по судебному решению тройки, дали срок и отправили на Колыму. Там начиналась новая людская трагедия - чудовищная по размахам и не менее чудовищная по отношению к цене человеческой жизни.

От тюрьмы до вокзала осуждённых вели своим ходом. Несмотря на раннее и промозглое утро, а так же постоянные окрики и штыковую строгость конвоя, шли они в этот час по Москве не одни. Их провожали убитые горем жёны и матери, братья и сёстры, и постаревшие очень отцы. Симеона провожать было некому. И всё же одна сердобольная женщина сунула ему, Христа ради, авоську с тремя десятками ржаных сухарей. Эта милость и помогла ему добраться до своего последнего места - через всю страну по железке, баржой по Охотскому морю и дальше пешком, и на редких машинах - этапами до самого колымского Приполярья.

Уголовники и люди иные - большей частью - строптивые, монаха не трогали. Он, как бы, выпал из их общего людского внимания. Сухари со снегом дожить помогали. Молитва же - помогала душевно. Привычного ритма и уставного начала он в себе не менял, а внешние раздражители его не слишком касались. Конечно, не сам по себе. Тем паче, среди такого-то люда и мира. Но всё же, как-то, вот так и добрался до лагеря.

Природа Крайнего Севера черноризника неожиданно поразила. Поразила до глубины души и до самого последнего нерва. Север Урала, это тоже, нечто такое, из ряда вон выходящее. Природу уральского Севера Симеон знал и любил. Однако с Севером Крайним - никакого сравнения. Божье творение словно застыло здесь в своей первозданности, нетронутости и девственной чистоте. Застыло в масштабах космических и если угодно, вселенских. Душу человека наполняла красота сверхъестественная - божественная и доселе невиданная. Красота неопишуемая и безразмерная. Хотелось от земли оторваться и хотя бы секундочку, посмотреть

на всё это Божье творение сверху. Или глянуть с вершины, вон той, заоблачной сопки и к божественной красоте приобщиться.

Бог весть, может быть только что возникшая любовь к Северу и помогла отцу Симеону живым добраться до лагеря. Бог весть. Мы не станем гадать. Ибо, как бы там ни было, а отца Симеона заждались уже в этом мире развязка.

Развязка неотвратимая и давно прогнозируемая.

Налюбоваться Северами отцу Симеону вволю не дали. Не для этого его сюда везли через многие тысячи километров. В молитвенниках и не от мира сего созерцателях советская власть не нуждалась. Ей нужны были только прагматики, а ещё лучше - просто рабы.

Памятуя о наказе скитского старца Игнатия, от мамоны советской ничего он не брал - ни еды, ни питья, ни одежды с обувкой. Спрашивали - молчал. Когда били - тоже молчал. А когда гнали или везли по железным и прочим дорогам, так молился, шёл или ехал. Утром на лагерный развод он не вышел. Стоял в барачном углу на коленях и тихонько молился. Там и нашли его надзиратели. Для вразумления попинали немного ногами и после бросили в штрафной изолятор. Сухари московские ещё на этапах закончились. И со снегом здесь было проблемно, чай не зима на дворе, а всего лишь начало приполярного лета. Однако, с Божьей помощью, отсидку первую выдюжил, выйдя в зону своими ногами. Выдюжил и вторую. А вот после третьей воспитывать штрафным изолятором его перестали. Приписали к злостным вредителям-саботажникам и приговорили к расстрелу.

Успешно застрелить отца Симеона могли и на зоне. Тем паче, что практики такие здесь частенько случались.

Однако повезли стрелять в Серпантинку.

В соседнем лагере прихватили ещё двух «злостных вредителей» и с конвойными, да с собакою отправились в путь. По меркам обыденным, дорога выпадала им не такая и длинная - всего лишь в несколько тревожных часов. Но то по меркам обыденным. Точно так же покажется, если путевое время до расстрельного лагеря принимать за прогулку или приятное путешествие. Но кто же будет его так принимать?

Разве что сумасшедший.

По разному люди относятся к собственной смерти. Одни со страхом и боязнью, другие с показною бравадой. Но как бы к ней кто не относился, а принимать её равнодушно - никому из людей не дано. Ни монаху, ни, тем более, человеку мирскому. Последний путь всегда кажется слишком коротким. Его хочется удлинить, а время смерти остановить или отодвинуть подальше. Особенно хочется, когда этот путь лично твой, а не чей-то сторонний.

В отличие от отца Симеона, попутчики смотрелись немного потерянно. Печать смерти легла на их потемневшие и измождённые голодом лица, но связь с миром они ещё не утратили. Она оставалась довольно заметной. А от него самого всё земное уже отставало и отходило. На свободное место приходило и вставало другое - небесное. И от этого ему становилось легко и свободно. Близкой смерти Симеон не боялся. Ожидая, он давно к ней уже приготовился. Хорошо понимая, что за порогом земным ожидает жизнь вечная. Сидя с краю на жёсткой скамейке, он с любовью рассматривал творение Божие, молитвенно, как бы, в нём растворяясь и где-то, слегка сожалея, что не встретился с размахами и красотами Севера раньше.

А природа и правда, вокруг ликовала.

Горы снежными слепили вершинами. Небо бездонной манило лазурью. Тайга в низинах и везде расцветала, привлекая внимание буйной зеленью и радужным, чудесным цветением. Воздух, напоенный её неповторимыми и тончайшими ароматами, баловал обоняние, проникая во всё живое, а, возможно и мёртвое. Даже исполинские камни, казалось, этим воздухом пропитались и вдруг, взяли и задышали. Птицы разом распелись. Насекомые разжужжались. И каждая Божья тварь, и травиночка потянулась к дарованной жизни.

По пути им встречались олени и лоси. Белки, то и дело, прыгали с ветки на ветку. Зайцы безбоязненно паслись на полянах. Лишь медведица с двумя неуклюжими медвежатами, увидев людей, резво убежала под сопку...

Мир животный и растительный жил в идеальной гармонии с ареалом¹²⁸. Пространства и пищи хватало для всех. Без участия человека дикие животные и растения быстро плодились, и размножались. Они тянулись к жизни и свету, какой-то, совершенно необъяснимой и удивительной тягой - без ненависти и презрения, без мучений и унижительных издевательств, без жажды власти и её тёмных, и страшных последствий. И главное (что пришло в голову отцу Симеону) - мир животный и растительный никогда не шёл против Бога.

Не потому ли и сохранялась эта гармония?

Сравнивать и осуждать черноризник не стал, убоявшись греха и суда Божьего. Пребывание в этом мире заканчивалось, но полностью подготовленным к миру иному себя он не чувствовал. Что-то ещё держало отца Симеона.

На перевалы их машина поднималась с большими трудами, однако на общую скорость движения это не очень влияло. Зато на спусках машина катилась исправно, навёрстывая упущенное время и сглаживая подъёмные километры.

К обеду переправились через Колыму.

А к вечеру добрались до места.

На Серпантинке их сдали другому конвою и на пару часов закрыли в «отстойник». После, раздели и в одном исподнем вывели за бараки. За бараками прошли полтора десятка шагов. Сзади конвойные крикнули и остановили. Дальше идти было некуда. В полуметре от смертников разверзалась ковшевидная яма. Края её потемнели от копоти. Очевидно, убиенных людей там внизу и сжигали. От ямы тянуло бензином и специфической гарью. Но тянуло не особенно сильно. Впрочем, Симеон ни бензина, ни гари не чувствовал. Не слышал он и револьверных выстрелов. Как не почувствовал удара и боли от пули, пролетевшей сквозь плоть.

Ещё раньше земная ниточка оборвалась и душа его покинула тело. Душу Ангелы подхватили и с божественным пением унесли её в высь.

Туда, где сияло Неземное Сияние.

Но и тело черноризника, на потеху грешникам, Они не оставили, укрыв его от бессовестных глаз. Для убийц, Симеон в воздухе растворился и мгновенно исчез. Что привело их в боязнь и растерянность. Нет. Не в Богобоязнь.

А в боязнь перед строгим начальством.

Юзеф Кальвинш – старший боец расстрельной команды – приблизился к яме и осторожно, через край, заглянул. Затем широкой ладонью вытер лоб и нервно потрогал пальцами свои пухлые, и слегка отвисшие щёки. Вот, незадача, так незадача. Два зэка, как и положено, внизу лежали кулями, а третьего зэка там не было.

- Куда он подевался, старшой? – спросил подошедший сзади Лепёхин.

Кальвинш ему ничего не ответил. Да и что тут ответишь? За такое чудо могли приписать и побег со всеми вытекающими из него обстоятельствами. Кальвиншу обстоятельства эти не нравились. Доказать обратное не докажешь. А попробуешь, так будешь выглядеть дурак дураком. И это, куда бы ни шло. Дурака ещё можно стерпеть. Особенно, если дело коснётся собственной шкуры. Когда же ощутимо пахнет расстрелом – тут одним оскорблением или выговором не отделаешься. Ясно одно – надо что-то срочно решать.

И чем быстрее, тем лучше.

- Оба быстро ко мне, – озираясь по-волчьи, выдавил сквозь зубы начальник. Лепёхин с Магальясом к Юзефу Кальвиншу вплотную приблизились. – Слушать меня внимательно. Приговор мы исполнили. И вины на нас нет никакой. Если жить хотите, то об этом чуде молчите. Никакого чуда и не было. Ясно всем? Уяснили?!

Магальяс с Лепёхиным утвердительно закивали.

- Тогда один бегом за канистрой. Надо здесь быстро и толково прибраться.

Спустя минуту в яме ярко запылало. Тела жарко горели. Вначале их корчило и над землёй поднимало. Когда же слегка затухало, Магальяс щедро туда подливал. Сгорело всё. И следов почти никаких не осталось. Жить команда хотела. И до начальства ничего опасного не дошло. Однако правду в этом мире утаить не так просто.

Господь попустил.

И правда до мира дошла.

ЭПИЛОГ

Первая подборка рассказов о Севлаге закончена. Будет ли вторая – не знаю. Это зависит не только от творческих планов и пожеланий. Нераскрытого материала скопилось достаточно – в процессе работы над текстами вспомнилось многое, даже то, что считал потерянным и навсегда позабытым. Критику принимаю, кроме обвинений в предвзятости. По большей части, писал откровенно. Хотя быть сторонним наблюдателем не всегда получалось. Но я пытался им быть, понимая, что лишь с таких позиций и можно донести до читателя объективность рассказа со всеми его наполнениями – болью, страхами, печалью, радостью и статистикой.

Люди Севлага ушли на тот свет. И вольные, и невольные. Если в чём-то они теперь и нуждаются, то разве что в наших молитвах. Многие уже давным-давно позабыто и быльём поросло. Однако не всё позабыто и не везде поросло. Со временем былая «секретность» теряется и открывается что-то новое. К примеру, всё та же, статистика. Недавно узнал, что только в одном Оймяконском районе Якутии имелось более 30-ти лагерей НКВД. За пайку тюремного хлеба и миску баланды (часто по ложным доносам), люди добывали золото, сурьму и вольфрам, валили лес, строили мосты и дороги... Десятки и сотни тысяч людей только в одном Оймяконье. Надрывались, калечились, голодали, мёрзли и гибли. И это годами, и

десятилетиями!

А сколько их было таких районов в Якутии, на Чукотке, по Северам и Югам, и везде по Союзу?

Мы должны помнить об этом и не забывать. История не всегда предсказуема. Случается, что в одну и ту же «реку» она забирается дважды.

Лучше мы или хуже?

Хуже.

И с этим трудно поспорить. Убеждения наши неправильны. Вера ослаблена и размыта. Мы катимся к личной и общей трагедии, без осознания надвигающейся катастрофы - неотвратимого Апокалипсиса. Чужая боль нас сегодня не трогает. Мы завидуем и осуждаем... Возлюбили гордыню, деньги, славу, разврат и иные грехи. Причин всего этого много. И главная из них - оторванность от православных корней и Святого Отечества.

Один раз в своей жизни - истории мы очень горько и греховно (!) ошиблись, и теперь пожинаем той ошибки плоды.

Советская власть от Божьей правды нас отторгла и далеко удалила. Отторгла не сразу. И удаляла десятилетиями - медленно и постепенно. Власть нынешняя занимается тем же самым, только скорость отторжения имеет другую, гораздо более наглую, быструю и даже стремительную. В одиночку, без Бога и Церкви Его, остановить или замедлить её невозможно. Подумайте, где вы и с кем вы? И примите решение. От правильного решения зависит не только ваше спасение, но и спасение ваших детей, а, возможно и внуков.

Зависит Воскресение Православной и Царской России.

Помоги нам Христос!

-
- [122](#) Николаевская церковь (1738 года постройки и освящения) снесена в 1936 году. В конце 19-го века в Верхотурском Свято-Николаевском мужском монастыре имелось ещё два каменных храма - Преображения Господня (1834 год) и надвратный храм во имя праведного Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы (1863 год). Самый большой эклектический Крестовоздвиженский собор монастыря построен позднее, к 300 летию Дома Романовых, в 1913 году.
 - [123](#) Тура - река, левый приток Тобола.
 - [124](#) Битюг - русская порода упряжных лошадей тяжеловозов.
 - [125](#) Самоедами называли малые народности Севера.
 - [126](#) Десять десятин земли - около 11-ти гектаров. Одна десятина равна 1, 09 га.
 - [127](#) Духовная консистория - учреждение, ведающее управлением епархией и церковным судом.
 - [128](#) Ареал - область распространения видов растений или животных.